

Мисс Неугомонность

Автор:

Галина Чередий

Мисс Неугомонность

Галина Чередий

Алёна Нефёдова

Мои чертовы братья так берегли честь любимой сестренки, что пришлось удрать куда подальше в поисках шанса на счастье. Шутка ли – в двадцать четыре оставаться девственницей? Как по мне, так перебор. И уж тем более нет повода для смеха в том, что мерзавец, укравший мое сердце, ни разу не принц на белом коне, а хам, грубиян и дикарь чистой воды! Пичалько.

Содержит нецензурную брань.

Алёна Нефёдова, Галина Чередий

Мисс Неугомонность

Глава 1

Жизнь совершила очередной невозможный кульбит в тот момент, когда моя чудаковатая, но горячо любимая подруга Алеена встретила своего чудовищного грызуна.

Точнее, Мангуста из «Гаража Монстров».

А-а-а, вы ж не в курсе.

Тогда я расскажу вкратце, буквально в двух словах.

Меня зовут Мари Дюпре, и я помощница миссис Алеены Мортинсон, пардон, уже миссис Герреро. Я работаю на нее почти шесть лет, и за это время из работодателяницы она превратилась в мою лучшую подругу. Немного странную, но самую близкую.

В первом своем замужестве Алеена прожила пять лет, уйдя от мужа после выкидыша, который, я до сих пор в этом уверена, был спровоцирован отношением этого козла. Еще бы! Когда ты сообщаешь законному супругу и любимому на тот момент мужчине о беременности, то требование сделать аборт совсем не та реакция, какой ожидаешь. Такое сбивает с ног. И последние два года жизни без этого придурка она с головой ушла в свое любимое дело – писала картины. Потрясающие, надо сказать, очень необычные и талантливые полотна, которые мы вместе и продавали в парочке картинных галерей, взявших нас в качестве постоянных клиентов.

А в сентябре на первую персональную выставку Алеены заявился ее муж. С беременной девицей, которая всячески демонстрировала нам их полное согласие в вопросе деторождения!

Вот я, на мой взрывной характер, просто устроила бы ему хорошенькую взбучку, прямо на глазах окружавшей нас толпы, потому как знаю, как этот напыщенный индюк не любит публичные скандалы вокруг своей особы. Еще бы ему их не опасаться! Ведь он мало того, что Мистер Совершенство, так еще и не потерял надежду все же в один прекрасный день баллотироваться в сенаторы от нашего штата. И флаг ему! Вместе с барабанными палочками в одно место!

А моя интеллигентная подруга просто молча вышла из зала.

И пропала.

На всю ночь.

Я думала, что с ума сойду от беспокойства за нее: ни телефона, ни денег, ни документов – все осталось в сумочке вместе с летним пальто в служебном помещении. Она вышла на улицу, в ночь, в холодный осенний дождь и исчезла.

А вернулась домой уже утром на такси в мужской одежде, купленной явно на какой-то распродаже, с выражением мечтательной задумчивости на лице. И ни на один мой вопрос об этой ночи так вразумительно ничего и не ответила. Кроме того, что повстречала в одном незнакомом ей ранее, очень необычном районе совершенно замечательного мужчину, который исключительно из рыцарских побуждений ее обогрел, напоил и спать уложил.

Зная немного свою приятельницу, я перевела этот рассказ так.

Моя Алеена под сильнейшим впечатлением от встречи с беременной подругой своего бывшего мужа утопала куда глаза глядят. Вероятно, ее занесло в темный, мрачный, возможно, криминальный район города. Где по счастливой случайности ей повезло наткнуться не на жутких отморожков, а на более-менее адекватного человека. Который при виде такой красотишки наверняка решил разыграть из себя «спасителя попавшей в беду девы» с тем, чтобы поиметь больше шансов на ответное «спасибо» в виде секса.

И только не говорите мне, что мужики так не делают!

А после этой ночи все понеслось с какой-то бешеной скоростью. Даже я, всегда готовая к любым неожиданностям, маленько офигела от той карусели, что закрутила нас с Алееной, и от результатов этой сумасшедшей свистопляски.

Во-первых, Алеена влюбилась. В того самого встреченного ночью грызуна. Ну, парня. Просто кличка у него такая – Мангуст. И да-да, я в курсе, что мангусты никакие не грызуны, а очень даже грозные хищники, но не суть.

Во-вторых, этот самый Мангуст, которого на самом деле зовут Рик Герреро, влюбился в нее (хотя если рассуждать логически, то эти два пункта наверняка надо поменять местами).

В-третьих, беременность той девицы оказалась с сюрпризом для всех, даже для самой девицы.

В-четвертых, я тоже вынуждена была познакомиться не только с новым парнем моей подруги, но и со всеми его братьями. Как будто мне своих семерых, блин, не хватило в этой жизни!

В-пятых, эти ребята оказались втянуты в бандитские разборки на районе, а мы, соответственно, вместе с ними. И вместе с ними же ввязались в грандиозный проект по решению этой самой ситуации.

А во всех остальных – шестых, седьмых, двадцатых и даже сотых, я обрела свою собственную личную головную боль, чирей на заднице, стрелку на новом чулке, царапину на любимой машине, потекший в самый неподходящий момент макияж и встречу с заклятой подружкой после десятикилометровой пробежки.

Поняли?

Нет?

Просто вот все вот это вышперечисленное – самое гадкое, что может неожиданно и в самый неподходящий момент случиться с любой девушкой. Согласны? И вот это вот все самое гадкое объединилось для меня в одной вещи, вернее, в одном человеке.

Имя которому Кевин Доэрти, мать его, Саваж!

– Эй, где мой кофе? Я к тебе обращаюсь.

Вот! Слышите? О чем и речь! Такое обращение ко мне характерно только для одного-единственного члена нашей команды. Вот уж действительно член! Большой такой, длинный, небритый и коротко стриженный. А-а-а, нет, не сам его член, а он такой. В общем, р-р-р, терпеть его не могу. Так бы и вцепилась зубами в упругую, накачанную задни...

Гад. Даже думать спокойно про него не могу. Постоянно мысли из-за него сползают в какую-то абсолютно недопустимую область эротических фантазий, причем весьма разнузданного характера. Поэтому стараюсь держаться от него подальше. Но не всегда получается.

Как бы ни были хороши по отдельности все наши парни, именно он центральная фигура нашего проекта. Именно в его мозгах рождаются удивительные образы, воплощаемые именно его золотыми руками в совершенно потрясающий воображение тюнинг байков. Кевин – единственный из этой команды, у кого есть диплом бакалавра по инженерному делу, и он на самом деле сердце всей этой движухи.

Да, мне частенько хочется помыть ему рот с мылом. Но когда я представляю, как делаю это... Как мои пальцы скользят по контуру этого грешного рта, нажимая на нижнюю губу, слегка припухшую, как будто он всю ночь целовался в засос... Убила бы на хрен! Но сперва бы все же затащила в постель. В конце концов, должна же я когда-то справиться с демонами своего прошлого? Так почему не с ним? Учитывая, что именно на демона он и похож. Демона-искусителя. Демона-инкуба – порочного и такого невыносимо притягательного...

– Ты оглохла?

Да.

Мне однозначно стоило бы держаться подальше и от этого невыносимого засранца, и от того места, где он безвылазно обитает.

Но, увы и ах.

Это теперь моя новая работа. Да, да. Уже два месяца я работаю директором съемочной площадки в новом реалити-шоу, которое называется «Адские Механики». А все съемки ведутся в том самом «Гараже Монстров», где обитают и работают братья Рика – все десять человек плюс еще и Алеена.

И, пожалуйста, не надо меня поздравлять с высокой должностью и сумасшедшим карьерным взлетом. Вы просто не знаете, каково это – занимать подобную позицию.

– Мари! Какого бракованного поршня ты отложила встречу с поставщиком после обеда? У нас закончилась краска! Что мы сегодня будем делать с прогрунтованными вчера деталями?

– Мелкая, ты расписание на сегодня не вывешивала еще? Нам с Ноа куда?

– Эй, драконяша, присмотри за Розы десять минут, мы с Али в аптеку за углом быстро сгоняем.

– Мисс Дюпре, из приемной господина Картинга просят вас обязательно позвонить сегодня в 14:00.

– Мари, детка, я совсем забыл отправить твои последние сметы на утверждение в офис. Но я исправлюсь. И вот, посмотри, какую чудесную шапочку я тебе купил на Рождество!

Кстати об одежде! Надо залезть и почистить страницу Саважа в Инсте. Задолбали эти горячие фанатки, присылающие фотки своих трусиков и сисек. Вот что за дуры, а? Ну на хрена ему твое нижнее белье и верхнее хозяйство, если его интересуют только железяки.

Проверено.

Я столько раз пыталась обратить внимание Кевина на свои верхние, ну, не сказать, чтобы девяносто, конечно. Но я считаю, что лучше честный натуральный «В», чем силиконовый «F». И, между прочим, парни меня поддерживают. Это я про натуральность.

Сама слышала, как они говорили, что то, что на первый взгляд радует, собственно, в руках ваще не айс. Как будто мячики теннисные в руке перекатываешь. А еще они светятся. Пипец, светятся! А, с другой стороны, если совсем не намного, буквально на полразмерчика, то, может, и не очень заметно будет?

Я покачала головой, бессмысленно пялясь в монитор. Надо что-то срочно делать с сиська... ой, с этой сметой, иначе экономисты не пропустят ее, и наш следующий эпизод придется срочно переделывать. А если я скажу об этом Саважу...

– Что со сметой?

Ну вот, накаркала.

- Э-э-э, ожидаю подтверждения. Буквально с минуты на минуту.

- Не задерживай. Как только ответят, сразу информируй меня. Там очень сложные для изготовления детали. Их надо запускать в процесс первыми, иначе сорвем график.

Не смотри на его губы, Мари! Не смотри!

- Что? Чего уставилась? Я где-то испачкался?

Слушай, подруга, ну неужели ты не можешь хотя бы взглядом изобразить ненависть и презрение? Что ты, как мороженка, опять лужицей растекаешься перед ним?

- Никак нет, сэр! Сэр, с вашим лицом все в полном порядке, сэр! Чего не скажешь о ваших манерах, сэр! Сэр Невежа, сэр!

- Да о своих позаботься, пуделек гавкучий!

- Для этого надо избавиться от главного раздражающего фактора, сэр! Разрешите исполнять? - И, не дожидаясь ответа придурка, вскинула воображаемую базуку на плечо, типа целясь в него.

- Тьфу на тебя, чума рыжая! - И в который раз вышел от меня, сопровождаемый грохотом входной двери. Которую сам же потом чинить и будет.

Я показала захлопнутой двери язык и тяжело вздохнула. Эх. Насколько я была рада за Алеену и Рика, настолько же я была... нет, не то чтобы опечалена, а, скорее, потеряла практически всякую надежду обрести нечто подобное для себя.

Мы ведь все немножко эгоисты, верно?

Мы можем совершенно искренне радоваться за друзей и близких, но все равно будем жалобно вопрошать: «Боже? А чем я-то хуже? А когда мне? Почему не мне»

это?»

Особенно когда то, чего ты так страстно желаешь, находится на расстоянии вытянутой руки, но не желает, мать его, даваться в эти самые вытянутые, протянутые, растопыренные руки, готовые сграбастать и утащить. В нору. Свою темную кроличью нору. А там связать, заклеить поганый рот скотчем и оседлать, чтобы...

Вот что это за мысли, а?

Господи, лучше бы той проклятой вечеринке никогда и не случаться, жилось бы мне тогда куда как спокойнее, без бессмысленных мечтаний об одном железном хамовитом дровосеке, которой только в свои же железки и влюблен. Проверено.

Хотя... не факт.

Потому что безобразия в моих голове и теле начали происходить еще до нее.

***

Все началось с того дня, когда я увидела этого придурка в первый раз. Мы с Алееной рискнули сунуться в тот самый «необычный район», чтобы, по словам подруги, «вернуть одолженную на время одежду этого прекрасного человека», а на самом деле просто для того, чтобы она смогла еще раз встретиться с тем, кто запал ей в душу – уж не знаю, по какой причине. Даже предполагать не хочу!

То ли мы выбрали неудачное время, то ли просто мысль была не айс, но мы умудрились засветиться перед криминальными элементами, которыми изобилует тот райончик.

А этот дуболом, прости господи, не придумал ничего лучше, как выставить нас... своими подружками! Подружками на одну ночь! И в качестве доказательства поцеловал меня прилюдно!

Хам!

Подлец!

Негодяй!

Мерзавец!

Всего десять секунд поцелуя!

Неужели нельзя было подольше?

Хотя бы двадцать?

Ну, чтобы я как следует распробовала его вкус – кофе и какая-то карамельная сладость. Пончики? Seriously? Вот этот злобный дровосек любит пончики?

Ну, поцеловал и поцеловал. Подумаешь! Но ведь при каждой нашей очередной встрече он буквально нарывался! Грубил, обзывался, хамил, вечно в чем-то подозревал! Меня!!! Мари Дюпре! Да я! Да я с такими людьми работала! Да мне такое доверяли – от семейных секретов до счетов с деньгами! А он меня подозревал! И в чем?

Ха-ха три раза!

В некоем интересе к себе, дуболомному!

Ну, я тебе покажу, оглобля неотесанная!

Когда Ронни предложил мне должность директора съемочной площадки на время работы реалити-шоу, я подумала – вот он, мой шанс! Мой шанс доказать, что я серьезный специалист и преданный делу человек, а не какая-то там рыжая финтифлюшка, как он любил меня обзывать. Далась ему мои кудряшки!

И начать я решила правильно: поставить себя сразу в такое положение, чтобы меня воспринимали как равную себе, а не как девочку на побегушках!

– Это ж как и сколько надо было отсасывать тому радужному петушку, чтобы получить столь теплое местечко и попытаться сесть нам на голову?

Нет, нормально, да?

Такая вот первая реакция этого... мистера Доэрти... на мое объявление о том, что с момента съемок все парни должны неукоснительно выполнять правила. А за соблюдением буду наблюдать именно я – Мари Дюпре.

Ты думал меня сразу же выбить из колеи и смутить? Да фиг тебе! Я подготовилась заранее!

– О! Я ждала этого вопроса! И всю дорогу молилась, чтобы задал его именно ты. – Боги, боги, он такой предсказуемый! Какая прелесть! – Видишь ли, мой дикий-дикий друг, наш незабываемый Ронни гуляет по обе стороны розово-голубой улицы. И сейчас он как раз на той ее части, где я не в его вкусе. К тому же, если глаза мне не изменяют, а фотка может это подтвердить, именно на твоей сладкой упругой попке лежала его рука, когда он «пригласил» вас подписывать документы!

Вытащила свой телефон и продемонстрировала парням одну из сотни фотографий, которые нащелкала в день подписания контрактов.

Пару секунд стояла тишина, братья пытались рассмотреть экран смартфона. А потом грянул громогласный рев.

– Саваж, он ведь реально тебя лапает за жопу!

– Он меня не лапал!

– Саваж, пошел на хер с моего любимого кресла! Не хочу переопылиться!

– Сам пошел! Не прикасался он ко мне!

– Ке-е-евин, сладкая детка, подай мне холодненького пивка. Хочу еще раз полюбоваться тобой со спины.

– Да не было такого, придурки!

– Мать твою, Саваж, и он до сих пор живой?

– А я прямо сейчас кого-то прибью!

И, как бык на красную тряпку, рванул в мою сторону.

А-а. Не на ту напал.

– Если ты приблизишься еще на один метр, рука дрогнет и фотка полетит в альбом на странице Алеены. А там сейчас идет ну о-о-очень бурная жизнь. Активизировались все ее старые подписчики, примерно полмиллиона человек. И я, как администратор ее группы, имею полное право публиковать там фоточки и видосики. Как раз мы сейчас развернули рекламную компанию перед началом съемок. Думаю, ты очень быстро станешь популярен в определенной среде. М-м-м?

Ага! Уела я тебя, дурында долговязая?

Подружка, желая сгладить неловкую, на ее взгляд, ситуацию, встрепенулась, прокашлялась и начала свой очередной очень вежливый, но малоэффективный пассаж:

– Послушайте, парни. Мне почему-то представляется, что всем будет лучше, если мы просто примем тот факт, что Мари – наш директор площадки. Это не значит, что она...

Она не успела договорить, как опять прорычал Саваж:

– А если вместе с той, порочащей мою честь, фотографией, будет опубликована примерно вот такая?

И эта скотина сграбастала меня в медвежьих объятиях, резко оторвав от стула и практически усадив на себя, вынуждая обхватить его за талию ногами.

И обрушился ртом на губы.

Я хотела шмякнуть его по морде. Честно. Хотела. Ну, когда планировала эту сценку. Я знала, что он попытается каким-то образом повлиять на меня, попытаться поставить на место.

Но не ртом же!

К этому я оказалась не готова.

Как не была готова и к головокружительной сладости этого поцелуя. Вроде не по моей воле, вроде не в той обстановке, вроде вообще в дурацкое время и в присутствии слишком большого количества свидетелей.

Но че-е-е-ерт...

Я пила этот поцелуй.

Я не могла заставить себя стукнуть его или дернуть коленкой в правильном направлении. Или на худой конец просто с силой наступить шпилькой на чьи-то лапы. Да и как бы я это сделала, если сидела на нем верхом, не доставая пола ногами?

Как сквозь вату, которой внезапно кто-то замотал мою бедовую голову, со всех сторон слышался приглушенный свист и улюлюканье.

– Вот это мой мальчик!

– Ох, опередил меня, братец!

– Вот так надо знакомиться с директором!

– Эй, Саваж, ты ее сейчас сожрешь!

– Ну наконец-то! Я уж думал, это никогда не случится!

Оторвавшись от меня через слишком короткие полминуты, Саваж, первую секунду выглядевший как будто ударенным по башке пыльным мешком и слегка

потерянным, встряхнул головой и, явно собравшись с мыслями, криво ухмыльнулся мне:

– Плевать мне на ваших подписчиков, сладкая. Главное, чтобы запомнила ты – я всегда сверху!

Да я и не против.

Когда начнем? Стойте, он назвал меня «сладкая», да? Мне же не послышалось?

Бинго!

Но не скажу же я это вслух, да? Леди не пристало навязываться понравившемуся ей придурку. А посему:

– А что, разве произошло нечто запоминающееся? – вздернув нос, фыркнула я. – Не заметила. Кому-то явно не хватает практики. – Можно я не буду предлагать себя в качестве спарринг-партнера для практики? Это будет слишком уж очевидно, так ведь?

– Языкатая чихуахуа!

– Мисс Дюпре и твой директор, грубиян небритый!

– Язва кучерявая!

– Дылда хамовитая!

– Да чума на твою голову! – Саваж, аж затрясшись от негодования, хватанул кожанку, лежавшую на спинке стула, и выскочил за дверь, так шандарахнув ею, что загудела вся стена.

Ну и вот.

Теперь собачимся каждый день. Держим друг друга в тонусе.

Хотя я бы уже и не отказалась от других тонизирующих упражнений.
Горизонтальных.

Глава 2

– Что? Как сегодня? Что, прям сейчас? Святой боже, у нас же пеленального столика еще нет!

Малой метался по гаражу, спотыкаясь о сохнувшие детали, с сотовым в руке.

– Али, точно сегодня? Хорошо, хорошо, принцесса. Я сейчас примчусь. Я мигом. В смысле, пробки? Да мне на них как-то на байке-то... Вот, блин. Забыл. Оки-доки, я попрошу у Саважа его пикап.

Черта с два!

– Нет.

– Саваж, не дури. Я же не просто так.

– Ага, опять в магазин за продуктами? Не дам. Вы мне его засрали в прошлый раз.

– Да какой магазин! Нам в центр акушерства! За Рози! Али уже там, оформляет документы!

– Черт! Сегодня уже?

– Да я сам ох... ох как обалдел. – Рик поперхнулся воздухом, испуганно оглянувшись по привычке на кабинетик рыжей церберши, бдящей наш внешний вид и следящей за чистотой речи.

Вот чертовы девки!

Всю жизнь нашу перевернули.

Жили мы себе спокойно с братьями, не тужили. По мелкому терлись с бандюгами на районе, ничего сверх-супер-мега-криминального. А тут, с того момента, как в жизни братишки появилась эта его принцесса, а вместе с ней ее неугомонная подружка, все полетело кувырком.

На нас по-крупному наехали Скорпы: типа, или ложитесь под нас, или хана вам. И Рик, креативщик, мля, придумал эту муйню с реалити-шоу. А девахи умудрились найти нужных людей.

И закрутилась такая хренотень, что мама не горюй.

- Ключи не дам. Сам с тобой поеду. Иди возьми на всякий случай свои документы.

- Ага, полетел. Братец, готовность три минуты.

- Иди уже, братец.

Я вытер руки промасленной ветошью, потом вымыл с мылом, схватил куртку и пошел заводить пикап. Так, бумажник еще захватить. Что там Рик бормотал, чего у них нет? Столика пеленального? Вот пока будут оформляться, я успею заехать и купить. Подарок. Племяннице.

Невольно улыбнулся, подумав о том, что в нашем доме опять появится ребенок. Последней, самой мелкой, была Юпик. Ох и намаялись мы с ней первое время. Сама не спала и нам не давала, засранка оручая. Зато сейчас вымахала - красавица. И умница. Небось кавалерами обросла, как псина бродячая блохами. Кстати, надо будет ма Линде позвонить, спросить, как она там, в кампусе своем. И заодно про питание для крохи - какое лучше купить, и подгузники - они же все разные, наверняка эти молодые родители даже не подумали запастись заранее. Беда с этими... кроликами озабоченными. Вот в этом я с мелкой рыжей заразой солидарен. Этих двоих просто невозможно отлепить друг от друга. Первый медовый месяц плавно перетек во второй и с тем же успехом в третий. Как они, интересно, думают заботиться о малышке, если им самим надо напоминать, что пора поесть, попить, с братьями пообщаться.

- Эй, Саваж, ты куда намылился? Скоро Мари должна вернуться от Ронни с утвержденной сметой. Ты же сам говорил, что сегодня вкрай надо с поставщиками встречаться!

- Пацаны, на сегодня отбой.

- Что-то случилось? - тут же встревожились Ноа и Фино.

- Не, все нормуль. Просто Али с Риком сегодня Розы забирают.

- Ох ты ж... У нас в гараже будет жить младенец?

- Ага. И ни единой ма Линды, которая умеет с ними управляться.

- Засада.

- Саваж, а давай мы обратно к па с ма попросимся, а? - заскулил Ноа, которого почему-то всегда любили малыши. Причем любовь эта была отнюдь не взаимной. Он бегал и ныкался от них, а его находили везде. И тут же висли на нем гроздьями. И требовали «игратьигратьигратьиграть!»! И что бы ни придумывал наш Ноа, ребятня была в восторге!

Зато никто лучше меня не мог убаюкать даже самого капризного карапуза, или уговорить поесть вареную брокколи, или съесть горькую микстуру.

Я самодовольно усмехнулся. Ага, ну вот и найдется управа на нашу парочку. Будет чем их шантажировать.

- Саваж, Ноа сказал, у нас прибавление в семействе? - свесился со второго этажа Рауль.

- Угу. Сегодня. Готовьте загородки на все лестницы, круглые накладки на уголки и защитные крышки на розетки.

- Так рано же еще! Она ж еще не то что не ходит, даже не ползает! Нах так рано? - удивился брат.

– Ты глазом не успеешь моргнуть, как окажется поздно. А я, если с мелкой что-то случится из-за отсутствия необходимых средств безопасности, голову тебе сам откручу. Даже па Джека просить не буду. И еще – пусть Ноа и Фино закажут пиццу на вечер, может, пива безалкогольного еще пару ящиков привезут. Будем встречать нового члена семьи.

– Блин, от одной тирании к другой, – пробухтел братишка, вечно недовольный тем, что его кто-то контролирует. – Ладно, ладно, скажу, чё ты сразу ключами кидаешься? И полезу заказывать наклейки безопасности в интернете.

Нет, ну а как иначе?

Я только теперь, живя в гараже с братьями, начал понимать, как непросто приходилось ма и па с нами. Мы же попали к ним не малышами, а вполне сформировавшимися взрослыми людьми. И с каждым надо было умудриться найти общий язык, какие-то темы для разговоров, какие-то правильные слова, с помощью которых озлобленные, вечно голодные и ранее частенько битые подростки понемногу снова превращались в адекватных людей.

Но я тем не менее считаю, что моего контроля вполне достаточно. И без всяких мелких рыжих чертовок!

– Братец, погнали, погнали. Нас уже ждут, – ворвался в мои думы запыхавшийся голос Рика.

Высадив его перед клиникой, я встроился обратно в слишком неторопливый сейчас из-за пробок городской трафик и невольно вернулся мыслями к тому, как началось все это безобразие в моей жизни.

***

Это был поганый день.

Поганый день, пришедший на смену поганому утру, наступившему после поганой ночи, очередной в поганой неделе!

С последних выходных меня не покидало смутное ощущение какой-то надвигающейся то ли опасности, то ли неприятностей.

И я даже не сразу понял, что мокрая курица, которую накануне притащил братан домой – вот уж придурок, вздумалось ему спасти полоумную, бродившую ночью по нашему району, – станет тем самым буревестником, несущим на своих белых крыльях настоящую беду.

Рано утром, едва эта девка спустилась после громкой ночи в комнате братишки, я спровадил ее от греха подальше. Даже двадцатку на такси не пожалел, лишь бы отделаться от нее побыстрее.

И был прав.

Как только Рик проснулся, он тут же начал выяснять, куда девалась его ночная находка. Куда-куда! Да в *опу, где ей самое и место. Такая баба в нашем гараже – к беде.

Мы живем и работаем тут дружной семьей. Только свои. Братья. Родные. Которые не предадут, не подставят, не сдадут, не сольют. Которые не постесняются своего родства. Потому что плевать нам на родство крови. Мы близки по духу. Так нас воспитали ма Линда и па Джек. Они нам тоже по крови не родные. Но за них и за своих братьев – за свою семью – я убью кого угодно.

А Рик вон вызверился, дуралей. Малой еще совсем. Горячий. Что называется, пока член твердый, сердце мягкое.

– Что ты ей сказал? – заорал мне в лицо брат, обнаружив, что полуночная гостья испарилась, как будто ее здесь никогда и не было.

– Правду. Ей нечего тут делать, рассчитывать на любовь до гроба с твоей стороны, просто потому, что ей хорошенько присунули, не стоит и за добавкой возвращаться тоже. – Я невозмутимо отхлебнул кофе, но прищурился нехорошо. Что-то малой зарывается – так со мной разговаривать!

– Тебя кто, сука, просил? – взорвался он.

– Эй, Мангуст, ты чего? – удивился явившийся следом за Риком Дизель.

– Такси вызвать? – язвительно осведомился я. – Так эта же и про...

– Языком трепать – кто просил?!

– А с каких пор высказывать свое мнение у нас можно с чьего-то разрешения?

Мангуста аж перекошило, как будто он едва сдерживался, чтобы не кинуться в бой сию же минуту. Ты посмотри только, эх его раскорячило. От той облезлой кошки? Ну ладно, я не слепой, кошка хоть и мокрая была, но из разряда «высший класс», чистопородная, бля. И в этом и состоит главная проблема. Нечего такой делать среди нас – простых дворовых кошаков. Наша весовая категория – такие же беспородные киски, бродячие причем. Пришли-потерли-свалили.

– Нет, выпроваживать чужих телок у нас вроде как не заведено было до сих пор.

– Я ее не выпроваживал, она сама хотела уйти, и я бы сказал – даже очень. А НЕ выпроваживать у нас принято сучек, у которых на лбу НЕ написано «я стану ох*енной неприятностью для всех». Такой, как она, нечего и близко делать в нашем районе. Она сдуру куда влипнет, а нам потом крайними идти?

Бля, он меня сейчас достанет!

Внезапно Мангуст резко свернул на другую тему:

– Так, я вам сейчас кое-что рассказать должен. Но после, Саваж, – Рик ткнул меня кулаком в плечо, несильно, но ощутимо, – я вернусь еще к этому разговору. Короче, тут к нам вот с чем собираются подъехать.

И мое предчувствие поганости наконец оправдалось.

Разве можно как-то иначе назвать не просто угрозу, а откровенное предупреждение о надвигающейся войне за право жить и работать на территории, контролируемой Скорпами?

И, как будто нам мало этих охренительных неприятностей, эта... выдра крашенная через день приперлась к нам опять! Вы только подумайте! Да не одна, а с какой-то чокнутой рыжей свистулькой – мелкой, вертлявой, вся башка в кудельках злое*учих, рыжая, аж до красноты, и наглющая до ломоты в зубах.

Приперлись, дуры, на белой, почти новой тачке. В наш район! Две сучки! Свеженькие!

Да как им колеса на ходу не пропороли, пока они к нам ползли – ведь явно ползли, потому что в этих переулочках даже я поначалу путался и плутал. Где уж им было нас найти с первого раза?

Приперлись, и эта рыжая пигалица с ходу наехала!

На меня! Когда я вежливо попросил оставить в покое моего брата. Не понравилось ей, видите ли. Уважения должного не оказали, ага. Ожидала, что красную дорожку раскатаем в честь визита таких охеренно дорогих гостей? Обломайтесь и валите.

– Этот хам подзаборный и есть твой... м-хм... Хорек?

Я настолько опешил от такой наглости, что просто глупо переспросил:

– Кто?

– Мангуст, моего незнакомца звали Мангуст, и этот раздраженный джентльмен не он, – немного смущенно поправила рыжую дуреху блондинка.

– Раздраженный кто? – прищурился я, стискивая кулаки до хруста. – А ну сели в свою понтовую жоповозку и быстро свалили на хер отсюда! – Я попер на них в яростном желании придушить этих двух... куриц. И, наверное, если бы не появившийся Дизель, который удержал меня, то мне бы это удалось. И начал бы я с рыжей змеюки, которая еще и умудрилась подлить масла в огонь.

– Он кто угодно, но не джентльмен! – обвиняюще ткнула в мою сторону она и быстро прикрыла подружку-блонди, размахивающую каким-то пакетом. – Вообще-то, моя подруга хотела вернуть одежду этого вашего... Суриката и

вежливо поблагодарить за то, что не бросил ночью на улице, но я вижу, что это совершенно излишне! – Она выхватила пакет у блондинки и буквально швырнула тот в мои руки.

У меня аж пальцы скрючило от желания стиснуть ее цыплячью шейку... тонкую, с бледной, чуть ли не прозрачной кожей, такой на вид нежной, что хрен поймешь, какой будет на ощупь – шелком или бархатом... и можно ли коснуться моими мозолистыми культиками и не навредить... э-э-э-э... тпру!!!

– Он – Мангуст! – дружным хором блондинка и мы с Дизелем исправили ее.

– Да без разницы! Хоть Бурозубка! Мы уходим!

Схватив за руку, мелкий рыжий прыщ на моей заднице развернула вторую визитершу к машине, с другой стороны которой неожиданно появился собственной персоной главный Скорп Рейзер со своими шестерками. Неужто решили добавить конкретики в свои угрозы?

П*здец. Приплыли.

В голове за долю секунды вдруг пронеслось видение растерзанного маленького тела. С разметавшимися вокруг головы поникшими рыжими кудряшками. С молочно-белой кожей, наверняка усыпанной на плечах мелкими трогательными веснушками и покрытой разводами буроватой подсохшей крови. С застывшим взглядом таких теплых когда-то, но совершенно безжизненных глаз.

Вот что ждет эту идиотку, если она попадет в лапы кого-то из Скорпов.

Сука. Что за хе*ня на мою голову? И Малик этот глазами ее жрет, тварь похотливая, уже в гнилых мозгах своих раздел и поимел. Отсоси, ублюдок!

– А ну стоять! – сдавленно прошипел я мелкой, с неожиданной стремительностью обхватывая ее миниатюрную в моих руках талию и притискивая к себе под ее испуганный вскрик. – И молчать теперь!

– Да как ты... – начала воинственная валькирия, но я совершенно точно знал верный способ заткнуть даже самую говорливую девку.

Просто взял и поцеловал ее, насильно запрокинув голову, и, нащупав в ее ладони брелок, заблокировал все двери в авто.

– Надо же, какие чики тут у нас, – усмехаясь, сказал Малик, главный шакалюга-застрельщик Скорпов. – Прямо высший класс. Почему за час такие берут, Саваж? Неужто у вас бабки стали водиться в таком количестве, чтобы позволить себе элитных шлюх да еще с доставкой на дом?

– Это с вашими уродливыми рожами подцепить таких роскошных девочек можно только за бабки, а с нами они исключительно по большой любви, – ответил я, продолжая тискать за аппетитную задницу заткнувшуюся рыжую, постепенно подталкивая ее к водительской двери, в то время как Дизель так же теснил блондинку к задней пассажирской с этой же стороны.

– Ты за базаром-то следи, наркоманский выбл*док! – ощерился на меня Малик. Ага, смелое ты такое чмо, когда за спиной толпа.– Не забывай, с кем говоришь!

– И с кем же? – Я притер мелкую к боку машины и прижался губами к уху, шипя ей в ухо сердитой гадюкой:

– Немедленно у*бывайте с этого района и не смейте сюда возвращаться. Вряд ли вам еще раз так крупно повезет встретить идиотов, готовых заступиться за вас перед Скорпами. А те шею свернут и трахнут. Именно в таком порядке. Усекла?

– Мы здесь хозяева, а вам только позволяем жить и работать, а вы, мелкие поганцы, решили, что имеете право свои порядки тут устанавливать и нам отказывать! – сказав это, бородач Рейзер дернул головой, и на идеально сверкающий капот бывшей час назад почти новой тачки, грохнув по металлу тяжеленными ботинками, вспрыгнул пирсингованный на всю харю Малик, торжествующе ухмыляясь. Дворняге отдал команду хозяин, а она и рада нагадить везде, где успеет.

– Разве девки уже вас покидают? – ехидно осведомился он, опускаясь на корточки под жалобный всхлип удерживаемой мною девицы. – Если вы не смогли их ублажить, то мы готовы забрать этих телок себе и устроить незабываемую скачку. Эй, чики, как насчет объездить реальных взрослых жеребцов, знающих свое дело, а не этих ссыкунов?

– Прошу прощения, мистер Железное лицо, но любые аспекты общения мы предпочитаем осуществлять исключительно с человеческими особями, хотя животные всегда вызывали во мне необычайное восхищение, – вдруг ответила ему стоявшая чуть сзади блондинка. Они что, реально две чокнутые дуры – ну на х*я они злят Скорпов еще больше?

– Чё? – подался тот вперед, и Дизель тут же пихнул ораторшу себе за спину. – Чё ты сказала?

– Что я люблю животных, но совершенно в ином плане, чем, очевидно, имели в виду вы.

– Она меня сейчас скотиной какой-то обозвала? – вскочил Малик на ноги.

– Вообще-то, нет, девушка тебе объяснила, что придерживается в сексе классических предпочтений, полностью исключая зоофилию, но подразумевала, что переспать с любым из вас и будет актом скотоложества! – откровенно ухмыляясь, пояснил Дизель. – И съ*бись уже с их тачки, за твою задницу никто столько не даст, чтобы рассчитаться за ремонт!

– Бл*дь, ну почему просто нельзя было вам всем промолчать? – простонал я, закатывая глаза и отпихивая мелкую кудрявку за себя. – Бегом внутрь и свистните нам остальных с чем-нибудь потяжелее!

Но звать никого не пришлось – дверь позади нас распахнулась, и оттуда, поигрывая в руках устрашающего вида инструментом, с помощью которого можно не только железо отрихтовать, высыпали наши парни.

Пару минут мы еще мерялись членами, типа у кого тут железяки в руках круче, но потом Рейзер со своими прихвостнями все-таки свалил.

И меня одновременно и отпустило, и накрыло.

– Ну? Вам, идиоткам, еще какие-то мотивации нужны больше никогда в наш район не таскаться? – набросился я на блондинку, как только Скорпы ушли достаточно далеко. – В следующий раз все так легко не обойдется! Мотайте отсюда! Быстро!

– Нет-нет, – неожиданно смиренно ответила рыжуха, карие глаза которой до сих пор напоминали размерами чайные блюдца. – Мы все поняли!

И она принялась елозить в моих руках, пытаюсь осуществить, собственно, мое прямое указание свалить как можно скорее из нашего района. Но руки, скорее всего, от перенесенного адреналинового всплеска, плохо слушались. И чем больше она крутилась в моем захвате, тем крепче они (я про руки, если кто не понял) держали ее. И в паховой области странно потяжелело. Да хотя почему, в общем-то, странно? Вполне закономерно, когда такая ароматная грива кучеряшек мельтешит перед глазами, а ладони невольно скользят по миниатюрным, но тем не менее вполне приятным округлостям упругого, я бы даже сказал, поджарого женского тела, не обделенного тем не менее нужными как выпуклостями так и... впуклостями.

Нда.

Но вообще-то мне на этих куриц плевать. И на этих в частности, и на всех остальных в общем. Давно уже. Спасибо одной из них. Научила, уж научила. На всю жизнь. Больше ни одной сучке не будет доступа к моему сердцу.

– Валите по-хорошему, – пробурчал я и с непонятным мне самому сожалением разомкнул объятия.

Свалить-то она свалила, хоть, как потом оказалось, и не насовсем в реале.

И главная засада заключалась в том, что эта рыжая гавкучка каким-то образом умудрилась влезть в мои чертовы сны и заколдовала мой член. Ибо следующим утром я проснулся, душа его в о-о-очень крепком рукопожатии, потому как во сне кучерявая языкатая зараза использовала как раз язык вовсе не для того, чтобы задирать меня. А после устроила такую дикую скачку, что глаза я продрал, уделанный в сперму чуть ли не до подбородка, и злой до черных мошек перед глазами от такого позорища. Хотя... эти гадские мошки могли быть последствием совсем не злости.

Да провались ты!

А потом случилась та бл*дская вечеринка.

На которой я снова поцеловал ее. Дебил. Да еще и при всех. А она взяла и ответила. Тоже при всех!

Не. На хер.

Лучше не думать о том, КАК она отвечала! Иначе правая рука, сука, скоро отвалится.

Глава 3

Бэн-н-нг!

Как ударом по башке вид этого зловредного верзилы, держащего не особо умело, но абсолютно-совершенно-точно-бережно малышку на руках.

Тыщ-щ-щ!

Его улыбка – влюбленная, искренняя, как будто озаряющая непонятым внутренним светом его вечно хмурое лицо.

Хак!

Ударом под дых его воркующий голос:

– А кто это у нас такой красивый у дяди Кевина? Наша Роза, да? Наша малютка цветочек? Наша феечка? Наша девочка-припевочка? Агу, агу, да-да, дядя Кевин тоже тебя рад видеть...

Да ну нах... Как говорит Рик, когда думает, что я его не слышу. Да быть такого не может! Вот этот?.. Прости господи?.. Вот так?.. С ребенком?..

Божечки, сделай так, чтобы это был сон! Чтобы я прям сию секунду ущипнула себя, открыла глаза и увидела снова его нормальное ежедневное «всех на хрен убью, если ко мне ползете» выражение лица.

Ай!

Ущипнула.

Больно. И обидно.

Потому что картинка не изменилась. Мало того, воркующих стало в два раза больше – к Кевину присоединился Рик.

И мы с Алееной – две ошарашенные и ситуацией, и видом наших... то есть этих двух мужиков девиц.

Да неправильно все! Не так должно быть!

Это мы должны «гулить» и «ворковать», а они стоять в сторонке, нервно куря или заламывая руки.

Ну ладно Алеена, у нее опыта маловато, а точнее – ноль целых ноль десятых. Но я-то! Я ж боец детячьего фронта! У меня на руках близнецы выросли! Это вам не фунт чего бы то ни было! Это десятки и сотни фунтов использованных памперсов! Использованных от души двумя прекрасно кушающими и, соответственно, освобождающими место для следующей еды мужиками! Ну и что, что маленькими, во всем семействе Дюпре вся маломерность досталась нам с мамой. И даже маленькие близнецы были ого-го какими мужиками.

– А ну отдай ребенка!

Да, я, наконец, смогла протолкнуть в грудь немного воздуха и подошла к неадекватным парням. Сейчас еще от умиления уронят малышку.

Даже не глядя на меня, Саваж очень нежно прикоснулся губами к лобик у Розалинды.

Кхм, а это нормально – ревновать взрослого мужика к новорожденному?

– Аккуратнее. Под головку держи. Не прижимай так сильно. Куда ты ее на правую руку, ей удобнее на левой!

Да ладно?

– Мари! Ты вообще умеешь обращаться с младенцами?

Я сейчас кого-то пну свободной нижней конечностью.

– Привет, сладкая! Я твоя тетя Мари! Ну-ну, не надо хныкать, золотко. Сейчас мама Али тебя возьмет на ручки и вы поедете домой, а там мягкая кровать, вкусное молочко и нежная колыбельная, которую тебе будет петь мамочка.

– Мари, – просипела испуганная Алеена рядом, – я же не знаю ни одной колыбельной.

– Поэтому хорошо, что кроме мамочки Алеены есть такая замечательная тетушка Мари, которая знает херо... много-много-много разных колыбельных, да, моя сладкая? Тетушка Мари все-все умеет: и пеленать, и купать, и кормить, и даже – сейчас все упадут в обморок – менять подгузники. Ну-ну, моя рыбонька, все хорошо, не надо хныкать, сейчас тетуш...

– Сейчас дядюшка Кевин исправит все, что успели испортить эти неумехи, моя кисюня. – Я, ей-богу, не поняла, как он это сделал, но малышка вновь оказалась у него на руках.

Но!

Знаете, что самое... неприемлемое в этой ситуации?

Нет?

А я вам скажу!

Рози, захныкавшая было на моих руках, в его объятиях снова моментально **УСПОКОИЛАСЬ!**

А вот я на ее месте продолжала бы хныкать! И ерзать! И елозить! И прижиматься потеснее. И обнюхивать тоже. Возможно, даже облизывать.

Так. Стопэ, дура озабоченная!

Ты сейчас нафантазируешь. Может, все не так на самом деле происходит, как ты тут...

– Сейчас дядя Кевин уложит тебя в специальную автомобильную колыбельку, которую он для тебя купил и уже установил в СВОЕЙ машине, и мы все вместе поедem домой. А за рулем тоже будет дядя Кевин. Потому что он аккуратный и спокойный, в отличие от твоих дурных молодых родителей и ше... шebутной тетешки, которая, надеюсь, приехала сюда на своей модной жо... повозке, просто повозке, механической такой, в которую мы переложим все пакеты с подарками для тебя.

Саваж все ворковал и ворковал, так, что даже медсестры умилялись и поздравляли «папочку», с недоумением и даже долей презрения посматривая на Алеену, которая по документам числилась мамочкой, но вид имела невозмутимо-отстраненный, а на самом деле – я-то это точно знаю – испугана была до икоты.

Пыхтя и сопя от негодования, я шваркнула крышкой багажника, в который офигевший от количества сумок Рик свалил покупки.

– Фигасе, Саваж, ты разошелся. Куда столько? – недоумевал мистер Герреро, третий раз подходя к моей машине.

– Потому что это все то, что надо на первое время младенцу. А вы об этом, я так понимаю, подумать не успели, да?

– Братец, зачем ты купил люльку и кресло сразу?

– Во-первых, потому что люлька нужна только до семи месяцев, максимум до восьми, а потом понадобится уже кресло. А эти продавались в паре и по акции. Так что сплошная экономия.

– Допустим, а зачем этих... подгузников одинаковых столько сразу?

– Рик, потому что они не одинаковые. Они все от разных производителей. А какие подойдут лучше всего нашей красавице, это только она решит. Если будет плакать, значит, ей не подходит, понял, дурень?

– Братец, я хер... ой, пардон, я балдею. Откуда ты все это знаешь?

– Братец, я читать умею. И готовился к прибавлению в семействе, а не отвлекался на... непотребства всякие. Да, мое сокровище? Но ты не переживай, солнышко, дядя Кевин всегда рядом. – И, еще раз нежно поцеловав тихо сопящую кроху в лобик, уложил ее в автомобильную люльку и пристегнул ремни безопасности.

Пипец, господа! Выносите меня вместе с моим коротнувшим мозгом и почему-то перевозбужденным от вида мужика с младенцем на руках либидо.

Парни встретили нас гомонящей толпой, к которой присоединились и члены съемочной группы.

– Ура мисс Герреро! – завопил Рауль, и десяток глоток вторили ему.

– Вы ополоумели, что ли? – рявкнул на них Саваж, вылезая из своего пикапа. – Ребенок уснул в дороге, а вы ее сейчас разбудите!

– Кевин, братишка, кто у нас папочка? – ухмыльнулся Ноа и подмигнул все еще растерянной, но уже взявшей себя в руки Алеене. – Мы точно приветствуем мисс Герреро, а не мисс Доэрти?

– Блин! Разбудишь малышку, сам пойдешь ее укачивать! – продолжал бухтеть Саваж.

– Эй, братишка, теперь я знаю, почему ты так любишь Пингвинов (хоккейная команда НХЛ – прим. Автор). Потому что ты сам как пингвин – трясешься над яйцом, – не унимался Ноа.

– Я бы на твоём месте начинал трястись над своими яйцами, которые я тебе откромсаю, если...

Перепалку оборвал тихий звук, раздавшийся из свертка на руках изумленно-счастливого Рика. Роза все же проснулась и теперь требовала внимания.

– Так, парни. Мы с Алееной поднимемся наверх и займемся нашей малюткой, а вы пока разбирайте багажник моей машины, – не выдержала я и, забрав детеныша у неопытного пока папаши, начала аккуратно подталкивать подругу в сторону жилых комнат. – Буду признательна, если в первую очередь вы занесете пеленальный столик и питание. Кевин, где бутылочки?

Я даже не ожидала, что этот вечно огрызающийся грубиян лишь моргнет и молча начнет копошиться в многочисленных пакетах, сваленных в моей машине.

Наверху я передала попискивающую Розу на руки Алеене и велела тихо напевать какие-нибудь песенки, пока я грею воду для детского питания.

– Мари, – жалобно прошептала Алеена, – я не знаю ни одной детской песенки. Что делать?

– Пой любую, лишь бы она была о любви, – вместо меня ответил практически моими словами вошедший Кевин.

Алеена набрала в грудь воздуха, как перед прыжком в холодную воду, и тихо запела низким грудным контральто, так не вяжущимся с ее хрупкой внешностью:

Летняя пора. И жизнь легка,

Рыбка плещется, и вырос хлопок.

Твой папа богат, а мама красива,

Так тише, малышка, не плачь!

Однажды утром

Ты встанешь с песней,

Затем расправишь свои крылья

И полетишь в небо.

Но до того, как настанет это утро,

Ничто не сможет навредить тебе,

Пока мама и папа рядом с тобой.

Так что не плачь! (песня Summer time – прим. Авторов)

Кроха, услышав голос мамы, притихла и уставилась на Алеену, что, в свою очередь, не могла отвести от дочери наполненного слезами взгляда.

– А вот и наше молочко готово, – тихо подошла я к подруге и подала ей теплую бутылочку. – Сейчас мамочка тебя покормит, потом погладит по спиночке, чтобы ты срыгнула, и немножко погуляет с тобой. А папа Рик и дядя Кевин пока установят твой пеленальный столик, чтобы тетя Мари смогла научить мамочку менять тебе подгузники-и-и.

Вот скажите мне, что за идиотская манера любого взрослого человека так по-дурацки растягивать гласные и сюсюкать при разговоре с младенцами? Но странное дело, выходит это, видимо, само собой.

– Эх, закончились наши безбашенные вечерушки! – вздохнул, впрочем, без реального сожаления через несколько часов Фино, плюхая на стол большое блюдо с закусками к безалкогольному пиву.

– Да ладно! – отмахнулся Ноа. – Розы же не вечно младенцем будет. Вот подрастет – и начнет с нами зажигать!

Мы все собрались за большим столом в общей гостиной, чтобы отметить-таки появление нового члена большой семьи. Вот только эти посиделки разительно отличались от прежних у парней. Музыка не орала из колонок, а играла совсем тихонько, а помимо банок, бутылок и тарелок на столе красовалась радионяня, к которой как минимум четверо из нас с тревогой прислушивались.

– Я тебе зажгу! – угрожающе рыкнул Рик на брата.

– Только научи чему плохому, я тебе сам задницу подпалю! – присоединился к превентивному запугиванию Саваж, и-и-и-и мое глупое сердце снова скакнуло, а разум послал бесполезный вопрос вселенной: «Ну почему именно этому засранцу нужно быть таким?»

Весь сегодняшний вечер, еще с самой клиники, этот патологический хам и грубиян ломал мне всю линию его восприятия, которую я худо-бедно выстроила, дабы не выглядеть в его присутствии постоянно какой-то дурочкой, что не может от него глаз отвести. В то время как он замечал меня лишь тогда, когда желал вывалить в очередной раз свое недовольство или искал мишень для придирок и обидных подколов.

Да еще этот его постоянный токсично-презрительный взгляд, стоило на съемках появиться Ронни и начать говорить со мной.

– Да омортели вы, что ли?! – возмутился Фино. – Я же имел в виду, что мы ее круто в игры компьютерные резаться научим. Мы вон уже и сеть мониторим, ищем самые лучшие, чтобы развивающие там...

– Да в жо... выхлопную трубу ваши игры! Глаза ребенку портить и мозг ломать! – ткнул в них пальцем Злой Большой Брат. – Нормальные у нее игрушки будут.

Парни заспорили, но в этот момент в динамике радионяни закричало и запищало, и Али с Мангустом подорвались с места, как и мы с Кевином.

– Мы сами! – строго зыркнул на нас Рик, и они умчались вверх по лестнице.

Саваж пробубнел что-то матерное с упоминанием всяких «криворуких кидал» и, допив залпом банку пива, ушел в сторону выхода в гараж. Я же, запретив себе пялиться на его уплывающую из поля зрения задницу, пожелала парням хорошо посидеть и, сославшись на занятость, умотала в свою каморку. Смета сама с собой не разберется, между прочим.

Но, оказавшись наедине с экраном монитора, вдруг ощутила, как противные, горькие слезы подступают к глазам. Часто заморгала, сглатывая и пытаюсь

загнать вглубь этот спонтанный прилив грусти. Вот с чего бы? У нас тут радость вообще-то! Рик с Али счастливы, хоть пока и растеряны, бестолковы и даже слегка перепуганы. Но это нормально, это только фантазировать о малыше просто, а его реальное появление способно сбить с ног интенсивностью нахлынувшей ответственности и прочей психологической и бытовой фигни.

Но они это перерастут, пройдут жизненный этап вместе. Ведь их двое. Они есть друг у друга, и у них есть любовь – такая, что поможет преодолеть и разрулить что угодно. Боже, они даже ведь не представляют, как прекрасны вместе. Изнутри светятся, тянутся, ищут взглядами, застывают, затаивая дыхание, любясь, ни черта не отдавая себе отчета, что это делают и как это влияет на окружающих, заставляя...

Они семья. А я...

Господи, ну что же так тоскливо-то на душе? ПМС у меня, что ли?

Устав сражаться со своим настроением, я просто отодвинула в сторону клавиатуру и уткнулась лицом в ладони, позволяя себе расплакаться. Девчонка я или как? Нам можно иногда и пореветь, даже если и не выходит логически себе объяснить, отчего дала течь. Просто мне пло-о-охо!

Но сейчас, еще чуть-чуть, и все пройдет. И никто ни о чем не узнает. Из этих дверей выйдет прежняя мисс Дюпре, дракониха и гавкучая чихуа... тьфу, железная леди! И никто не пронюхает, что я сижу тут, хлюпаю носом и слезы размазываю...

Никто, кроме этого невыносимого противного грубияна Саважа, что вперся, само собой, без стука.

– Ну что там со сметой?

Ну конечно, разве мог бы ты подгадать момент еще удачнее? Давай теперь, глумись и злорадствуй!

Херня какая-то!

Чувствую себя сопливой девкой, что распустила слюни при виде умильного щеночка.

Уси-пуси, какая кроха! Иди ко мне, сладенький!

ТЬфу ты!

Но рожа сама собой складывается в лицо имбецила при виде Розалинды.

И понимаю, что никакого отношения эта малышка не имеет к брату. Только к Алеене, и то весьма условное. А поди ж ты! Воспринимаю как родную племянницу. Или и вовсе свою... Тпру! Стопэ эти мысли!

Помнится, когда Лаура только появилась в семье, она была совсем еще маленькой, постарше Розы, конечно, и намного – лет пять-шесть – и я порой сбегал от ее вечных «почему», «расскажи», «дай мне», «хочу на ручки», но, наткнувшись на укоризненный взгляд от ма и недоумевающий от па, сдавался и уделял ей время. Тогда мне это казалось подвигом. Как же – такой взрослый парень, а возится с мелкотой. Но уже через полгода так привык, что мне стало не хватать этого неповторимого детского аромата.

Все дети пахнут похоже – теплым молоком, свежим овсяным печеньем, пластилином и красками. И у них такие искренние слезы и настолько заразительный смех, что без них становится неуютно в жизни, как будто тебе чего-то не хватает. Чего-то очень-очень важного, такого, что сложно поддается описанию словами.

Взяв на руки Розы в центре акушерства, я словно ухнул в глубинные детские воспоминания. Увы, не самые счастливые. И, глянув в ее дымчато-голубые, как у всех младенцев, глаза, принял решение: эта крохотулька заслуживает счастливого детства. Точка.

Ей повезло попасть в огромную, любящую семью, где она будет нужна всем! Не как средство достижения каких-то целей, не напоминанием об ошибках

молодости, а как полноправный и долгожданный член семьи. Разношерстной, с первого взгляда странной, говорящей сразу на трех языках, но семьи в самом настоящем понимании этого слова.

У нее уже есть неопытные, но любящие мама и папа. И дедушка с бабушкой – самые лучшие в мире, хочу я вам сказать, и толпа неугомонных дядей, которые все рано или поздно обзаведутся собственными тетями и как минимум футбольной командой младших братьев и сестричек. И ни один придурок или дура не посмеют обидеть нашу первую из череды Вестонов-Герреро-Доэрти-Смит-Маре-Салливанов-Гарсия-Мюрреев-Бруксов-Ли-Морганов. И никто и никогда не спрячет глаза, бормоча виновато: «Прости, будет лучше, если ты останешься жить с теми людьми, потому что мне ты не нужен, ты все испортишь. Ты – ошибка молодости, о которой я хотела бы забыть!»

Вот так.

Я – результат ошибки молодости.

Я, как выяснилось при первой встрече с биологической матерью, чуть не сломал ее жизнь своим появлением. И поскольку я уже довольно взрослый и все это время как-то прожил без нее, то не стоит и начинать. «Ты же понимаешь?»

Нет. Не понимаю. Отказываюсь понимать, как женщина, родившая дитя и с легкостью отдавшая его на воспитание чужим людям, может отказать своему повзрослевшему ребенку в такой малости, как общение с ним, в простом человеческом, мать его, общении!

Разве я многого просил?

Я отдавал себе отчет в том, что я приемный сын, что последние мои усыновители – те самые ма Линда и па Джек – прекрасные люди. Просто потрясающие, о лучших невозможно и мечтать. Я хотел только понять, почему от меня не просто избавились, а забыли напрочь. Как будто меня никогда и не было!

Понял.

Биологическая мать умудрилась залететь после выпускного школьного бала. И настолько боялась сказать о своей беременности родителям, что, когда все опомнились, делать аборт было поздно. По крайней мере, в те времена. Она родила меня, отказалась от каких бы то ни было прав и выскочила замуж за своего одноклассника, с которым встречалась еще со средней школы. И теперь у них все в шоколаде: свой дом в хорошем районе, белый забор, цветущий палисадник, трое розовощеких детишек – семнадцати, четырнадцати и десяти лет – и собака – золотистый ретривер. Прямо американская модель успешной добропорядочной семьи.

Казалось бы, ты встречалась с парнем с пятнадцати лет, вышла за него замуж, родила ему детей, а я-то откуда? Почему мне нет места в этой сахарно-ванильной картинке?

Да все очень просто. Ее муж и мой папаша – разные люди. Так-то вот.

Откуда знаю? Да сама сказала, виновато пряча глаза и пугливо оглядываясь в надежде, что никто не увидит даже, как она со мной разговаривает.

Она собиралась отдаться своему парню как раз на выпускном – хреновое клише ограниченных подростков. А в результате – «случайно, это вышло совершенно случайно, и мой Дон до сих пор этого не знает» – отдалась отвязному рокеру, одному из группы, что играла на их вечеринке.

Упс!

Как уж она потом пудрила своему будущему благоверному мозги и объясняла свое полугодовое отсутствие в родном городке и объясняла ли вообще – это вопрос другой. И он меня не е*ет.

Просто я – плод случайного траха обкуренного гитариста и пьяной выпускницы.

Чертова ошибка гребаной юности.

– Мя...

Твою мать, опять к нам в гараж забрел какой-то дворовый кошак. Небось очередной прикормленный Спанчем бродяжка.

– Мя, мя-мя, мя-а-а-а.

Черт, больной? Или опять придурки какие-то искалечили животину? Судя по звукам, это даже не взрослый кошак, а маленький котенок. Убил бы уродов, которые издеваются над беззащитными и слабыми.

Звук послышался вроде как рядом с камеркой Мисс Занозы-в-моей-заднице. Пойду гляну, вдруг и правда раненый лежит, заодно спрошу, что там с этой гребаной сметой! Еще днем обещала мне ответить, засранка такая!

Кошака рядом не обнаружилось. Зато звук раздался внутри самой камерки. Так, может, это она и притащила его?

– Что там со сметой? – состроив суровую рожу, я ввалился к «дире-е-е-ектору», набрав сразу воздуха в грудь, чтобы сделать замечание по поводу зверья, которое она притаскивает на рабочее место.

И споткнулся, как будто мне в грудину аккумулятором от моего пикапа прилетело.

Потому что вот это хныканье раненого котенка издавала сама Мари.

Девчонка плакала.

Не напоказ, не истерично, не для того, чтобы заставить обратить на себя внимание.

Но так горько и обреченно, с такой тоской и непроходимой безнадежностью, с такой болью в покрасневших глазах, что в голове опять всплыла недавняя мысль: «Убить урода, который обидел».

– Кто? – с силой выдавил из себя вопрос.

- Что? - Рыжая так удивилась вопросу, что аж икнула, и тут же шумно высморкалась.

- Обидел кто? - уточнил я. - Братья или из киношников?

- И что ты сделаешь? - горько усмехнулась кудряшка.

- С братьями - любым из них - поговорю по-свойски, так, чтобы поняли. Киношники... ну, тоже поговорю. В последний раз. В самый последний. После уже разговаривать не смогут.

- Смотри ты, защитник какой. Ничего ты ему не сделаешь. - Мари отвернулась, нарочито тщательно роясь в сумочке.

- Ну и зря ты так думаешь. Нет неприкосновенных. Для меня нет.

- Есть, - пробубнила упрямица.

- И кто же это такой крутой тут завелся? - Не, она серьезно думает, что мне будет запаadlo побеседовать с кем бы то ни было? По-своему? По-мужски. Так, чтобы понял.

- Хочешь познакомиться? - продолжала ковыряться в своей безразмерной сумке-бауле уже вроде как немного успокоившаяся гавкучка. О, уже даже слышу знакомые нотки вечного яростного спора, которые ее голос приобретает в каждой беседе со мной.

- Да не откажусь, - продолжил я гнуть свою линию.

- На. Знакомься, - она вручила мне какой-то плоский предмет. Планшет, что ли?

Потянулся через стол, улавливая такой знакомый аромат огнегровой растрепы, взял в руки предлагаемое. Развернул к себе.

Зеркало.

Не понял.

– Это что?

– Это не «что», а «кто». Это и есть причина моего... ну, назовем так, не радужного настроения.

– С хера ли? – выпал в осадок я.

– Ты серьезно об этом спрашиваешь? Да ты мне непрерывно жизнь отравляешь! В упор очевидного не замечаешь! – Мари вскочила, встав передо мной и дерзко вскинув подбородок.

Даже в приглушенном освещении каморки я заметил, что ее ресницы слиплись в мокрые стрелочки, потемнели и, кажется, загнулись еще сильнее, отчего глазищи стали казаться ярче. Черт! Я и без того чуть на спотыкался каждый раз, нарываясь на ее прошивающий от мозга до яиц взгляд. Эта мелочь термоядерная – как безотказный электрошокер для моего бедного члена. Только он, бедняга, решит прикинутьсядохлым, и тут же – тыдыщ! или натыкаюсь на нее где, или картинка какая-нибудь похабная долбанет в мозг с ее участием. И здравствуй, сука, мгновенный стояк.

– Так я отравляю или в упор не замечаю? – склонился я, сближая наши лица. Кто бы мне сказал на хрена? Идея – хуже не придумаешь, но внезапно думать мне стало нечем. – И уж не себя ли ты очевидным называешь? Кнопка языкатая.

Тоже мне, росту полтора метра в прыжке, очевидность нашлась.

Запах ее кожи и кучеряшек вероломно прорвался прямиком в мой разум, вдруг сделав черепушку пустой до звона, от которого заложило уши. И меня подхватило и поволокло, как бешеным потоком ветра по тоннелю, который закончился как раз на припухших, искусанных губах моего многодневного искушения и гадкой ночной суккубки, что выдоила из меня за это время едва ли не море спермы.

Мари еще что-то говорила – кто бы слушал – но я столкнул наши рты, за долю секунды дойдя до ручки от желания ощутить снова ее вкус.

Тресни меня по башке, ну? Оттолкни, давай!

Но вместо этого девушка буквально вцепилась в мою бритую голову, отвечая на поцелуй с такой интенсивностью, что остаток моей соображаловки стремительно покинул помещение, оставив только так долго скручиваемую в бараний рог жажду. Давая ей свободу.

Нужно остановиться!

Сейчас.

Немедленно остановись, придурок!

Еще чуть-чуть.

А тело класть прибор хотело на предупреждающий писк где-то там на заднем плане. Все, что имело значение, – это то, что Мари отвечала мне, отвечала с какой-то отчаянной страстностью, отрываясь только для краткого вдоха, оглаживая суетливыми ладонями лицо, шею, плечи, и я от этого просто улетал.

– Сама не тормознешь – я не остановлюсь! – прохрипел в ее губы, начиная теснить к столу и тиская ягодички.

Бля, я, конечно, мысленно пытался представить, каково это будет, но в моих фантазиях это и вполонину было не так кайфово.

– И не надо. – Мари задергала мой ремень решительно, но неумело, и я, рыкнув от сносящего крышу нетерпения, подхватил ее, усаживая на стол, и быстро освободил себя.

– Ох ты ж... – охнула рыжая, мимолетно глянув вниз, а я довольно ухмыльнулся. Мне стесняться нечего.

– Тш-ш-ш, все хорошо будет, – пробормотал я, забираясь рукой ей под юбку и снова целуя.

Пальцы коснулись горячего влажного шелка, в голову шибануло ароматом возбуждения этой моей катастрофы, и тут мне настал полный п*здец. Все, уже не остановиться! Потом хоть что, хоть все кары небесные, но я ее поймаю. Сама же предлагает, а я всего лишь херов озабоченный мужик, как не взять-то?

Узкая, но сильная ладошка стиснула мой ствол жадно, чуть не по-хозяйски, и я зашипел, едва не спустив от этого рукопожатия.

– Хочешь сначала ручную работу, детка? – задыхаясь, я прикусил ключицу Мари и, оттолкнув в сторону ткань, вошел в нее сразу двумя пальцами, отчего она дернулась всем телом и протяжно застонала. – Бля-а-а-а, малыш, ты тут ох*ительная! Такая узкая, плотная, м-м-м. У тебя давно никого не было?

– Да... давно, – всхлипывая и вздрагивая от каждого моего даже малейшего поглаживания, ответила девушка. – По... пожалуйста, Кевин!

– Сейчас все будет... – Я пристроил себя у ее входа и тут же замер. – Зараза, у меня защиты нет. Но я вытащу, клянусь...

«Дебил, что ты творишь! Нельзя!» – еще верещал подыхающий здоровый смысл. Не лезь, сука! Мне или в нее, или ложись помирай!

Толкнулся тихонько, скрипя зубами от того, как скручивало поясницу и бедра от потребности рвануть вперед что есть сил. Мари напряглась, а я стал нести какую-то нежно-сопливую ахинею, умоляя расслабиться и впустить. Еще чуть в нее, искры и световые пятна перед глазами и ее запрокинутое лицо. Охренеть, какая же она все же... ослепнуть к чертям можно! Брови сведены, зацелованные губы сжаты, соски торчат сквозь ткань, упрекая меня, нетерпеливого засранца, не обласкавшего их. Ничего, мои хорошие, все будет. Зацелую вас, залижу... потом... позже... Дышит рвано, выпивая стонами мою последнюю выдержку... Еще чуток, и я в раю. И тебя туда отправлю, девочка, я не эгоистичная скотина.

Стоп!

Девочка?

Эта преграда...

Это?..

– Твою же мать! – Я шарахнулся от Мари так, что за малым не упал на задницу, запутавшись в своих спущенных штанах. – Ты...

– Да, – тихо ответила она, а я с полминуты стоял, раскрыв рот, пока не накрыло гневом по самую макушку.

– Совсем охренела?! Подловить меня хотела, пуделиха кучерявая?! – заорал я на нее, судорожно упаковывая себя обратно. – Лоха во мне нашла? Думаешь, если меня своей девственностью одаришь, то я перед тобой лужей масла растекусь и замуж позову? Или молиться на тебя по гроб жизни стану за такой, мать его, бесценный дар?!

Мари встала и оправила юбку, ее лицо потемнело, как-то разом осунувшись.

– Какой же ты все-таки тупой мудака, Кевин Доэрти, – произнесла она безжизненным голосом и, взяв свою сумку, ушла, аккуратно прикрыв дверь.

А мне вдруг почудилось, что я очутился в сраном холодильнике, сразу при минус хрен знает сколько.

Моментальная, сука, заморозка.

Глава 5

Слабость один раз от неожиданности простительна.

Слабость второй раз от шока от собственной реакции – еще так сям.

Но третий раз – это уже не слабость, а дурость, Мари!

Никто никогда больше не увидит моих слез.

Никто никогда больше не услышит от меня ни единой жалобы.

Я справлюсь.

Я все смогу преодолеть.

Я сильная.

И никто никогда больше не назовет меня гавкучкой и кучеряшкой.

Я толкнула дверь, поморщившись от раздражающего звука дурацких колокольчиков над входом. Несмотря на мое перекошенное лицо, администратор за стойкой приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте, рады видеть вас в нашем салоне. Что бы вы хотели?

Я оглянулась, будто не совсем понимая, что делаю в этом небольшом, но довольно уютном заведении. Парикмахерская. Да. Точно. Избавиться от кучеряшек.

– Стрижка, окраска, укладка.

– Вы записаны к кому-то на определенное время? – все так же вежливо и приветливо уточнила девушка.

– А у вас только по записи?

В этот момент из рабочего зала раздался голос, очевидно, одного из мастеров:

– Джесси, позвони моей клиентке, которая на 19:00. Она обычно за пятнадцать минут приходит, а тут нет и нет. Вдруг что-то случилось?

Девушка взяла телефон, сверяясь с книгой записи и одновременно обращаясь ко мне:

– Секундочку, не уходите. Я посмотрю, что мы можем вам предложить.

Я равнодушно кивнула головой и так и не отошла от стойки администратора, которая перезванивала кому-то, уточняя время посещения. Через несколько секунд она сбросила звонок и улыбнулась мне:

– Вы знаете, удивительное совпадение. Клиентка, которая должна была прийти буквально через пять минут к одному из наших лучших мастеров, внезапно отменила свой визит. Вы можете присесть и подождать всего несколько минут. Мастер вас примет.

Все так же равнодушно-механически я опустилась на стул, вперившись в одну точку. Так же механически кивнула в ответ на предложение кофе или чая. Администратор, которая по моему виду наверняка что-то поняла, ушла в зал, оставив меня в одиночестве попивать принесенный напиток.

– Добрый день, Джесс сказала, что вы хотели бы стрижку, окраску и укладку, – проводив меня к креслу, спросила мастер – симпатичная молодая женщина с доброй улыбкой и теплыми, какими-то лучистыми шоколадными глазами. – Мы просто освежаем кончики и добавляем немного яркости вашему шикарному цвету?

– Я хочу как можно короче, убрать все эти кудряшки, и покрасить. Цвет – горький шоколад, – спокойно произнесла я.

– Хм, – странно улыбнулась девушка с бейджиком, гласящим «Тшилаба», укутывая меня в защитный пеньюар. – То, что мы иногда ругаемся со своими мужчинами, не означает, что мы должны сами же из-за этого страдать. Как насчет пока удлиненного каре, мелирования и цветного окрашивания в разные оттенки медно-рыжего с дальнейшей записью на кератин? Решение о кератине примете, посмотрев на укладку. Я выпрямлю волосы, чтобы вы смогли оценить их будущий вид. Если окончательный результат не удовлетворит вас, первоначальное ваше пожелание выполню бесплатно. – Мастер широкой щеткой прочесывала мои кудри, нежно оглаживая по голове.

В свое время, очень и очень давно, я любила, когда мамочка заплетала мне косички, а перед этим всегда долго и тщательно расчесывала волосы и вот именно так же гладила по голове.

Черт!

Только не это! Только не надо вспоминать маму! Только не сейчас, когда вместо сердца – развороченная словами Кевина грудная клетка, в которой агонизирует орган, что должен исправно качать кровь по всему телу. А тело будто онемело. Как в тот день, когда папа приехал из роддома без мамы, но с двумя орущими свертками. И все мы, ожидавшие мамочку вместе с близнецами и жутко соскучившиеся по ней за последние два месяца, которые она провела в больнице, внезапно поняли по черному лицу отца, что никогда ее больше не увидим.

Слезы водопадом заструились по щекам, а нос моментально распух и перестал дышать.

– Джесс, дорогая, принеси мне мой несессер. Красный. И еще один кофе. По моему рецепту.

Кофе «по рецепту» пах корицей, кардамоном и ванилью. Молодая женщина, обслуживающая меня, достала из несессера небольшую фляжку, открутила ее, понюхала, закатила глаза, как будто решая для себя что-то, затем щедро плеснула жидкости из фляги в чашку кофе и приказала:

– Пей, огнегрявая красавица. Мелкими глотками. Вдыхай носом, выдыхай через рот. Можешь закрыть глаза. Так даже лучше будет. Ничего не говори и просто пей, – и продолжила расчесывать мою гриву, мурлыкая себе под нос песенку на незнакомом языке.

И вот эти вот поглаживания по голове, нехитрый мотивчик, раздающийся из практически сомкнутых уст мастера, восхитительный аромат кофе с чем-то явно горячительным подействовали на меня как сильнейшее успокоительное средство. А может, ими и были все вместе.

Меня отпустило.

И с последним глотком кофе едкая горечь, застрявшая где-то в груди, начала таять, как кубик горького шоколада в чашке кипящего молока.

– Так что? Пока каре?

– Пожалуй, соглашусь на ваше предложение. Мне самое главное – избавиться от этих чертовых кудряшек.

– Удивительные существа – эти красивые девушки. Роскошные прямые волосы завиваем каждый день, шикарные кудрявые – распрямляем всеми правдами и неправдами. Длинные укорачиваем, короткие – наращиваем. Не довольны жизнью, а отыгрываемся на ни в чем не повинных волосах. – Она вздохнула жалостливо, пропуская между пальцами очередную прядь.

– Чего это они не повинны? – возмутилась я, немного «поплыв» от целебного кофе. – Вечно в глаза лезут, из любой прически выбиваются...

– Да еще внимание всяких придурков привлекают, – в тон продолжила мастер, забрав у меня из рук все еще теплую кофейную чашку.

– Про придурков – в точку. – Я даже повеселела немного. Какая умница эта Тшилаба!

– Покою им не дают, в сны приходят, ароматом своим окутывают, жить не дают. Надо, надо за это наказать их владелицу, – продолжала почти напевать женщина, звонко пощелкивая ножницами. – Надо ей гадостей наговорить, за косички подергать, обозвать ее пообидней. Так, чтобы даже не приближалась и не смущала покой. – Она вздохнула. – Мальчишки – такие мальчишки. Хоть в три, хоть в тридцать три годика одинаковые.

Каждое ее слово активировало в моем мозгу картинки: Кевин на меня орет, Кевин меня одергивает, Кевин смотрит мимо меня, будто не расслышав вопроса, Кевин возражает даже тогда, когда все согласились с моими предложениями по оптимизации расходов...

– Вы ведьма? – с восторгом и одновременно ужасом спросила я, как замороженная наблюдая за опадающими на пол кудрями.

– Ага, – легко согласилась Тшилаба. – И мать моя ведьма, и бабка такая же, и прабабка. Цыганка я. А цыганки – все ведьмы. – Она легко пожала плечами и

снова улыбнулась моему испуганному отражению в зеркале. – А по мне – так просто женщины, которые до сих пор не отказались от своего женского начала и призвания: любить своих мужчин, беречь домашний очаг, рожать детей и воспитывать их, петь им колыбельные, варить хабе рома (традиционный цыганский суп – прим. Автор) и печь бокморо (цыганский хлеб – прим. Автор).

– А если он не хочет, чтобы я все это для него делала? Если ему поперек любое мое слово? Если он только и знает, что обзывать и спорить? – Нос снова заложило, а голос предательски дрогнул.

– Значит, не мужчина еще. Значит, вырасти ему надо, чтобы оценить то, что может дать ему такая горячая женщина, как ты.

– Да я на пенсию уйду к тому моменту, как он вырастет!

– Май-вэй, дорогая, так может, не твой этот кусок серого старого льда, а?

И вот я не-хотела-не-хотела-не-хотела, но все равно вспомнила эти серые льдинки глаз. Серый лед и ртуть. Вернее, покрытые толстым слоем льда озера ртути с двумя черными полыньями, в которые я проваливалась каждый раз, когда видела их близко, так же близко, как сегодня. Целых три раза. Озера, темнеющие от злости и... возбуждения? Ведь только что, в камерке, его глаза потемнели. От чего? Он ведь не сразу на меня злился? Хотя нет. Сразу он как раз злился. Но вот когда столкнул наши рты, он разве злился? Он что, хотел меня наказать? Поцелуем?.. Но потом ведь это чуть не... Прекрати, Мари!

– Что, простите? – я сморгнула, выныривая из болезненных воспоминаний.

– Погадаю тебе, хочешь? – повторила свой вопрос Тшилаба.

– А знаете... хочу! Только скажите мне что-нибудь приятное, ладно? Если неприятное, то лучше промолчите. Хватает мне его в реальной жизни, этого гов... неприятного.

Тшилаба коротко улыбнулась и подала мне чашку, из которой я буквально несколько минут назад допила кофе.

–левой держи блюдце, правой рукой перекинь чашку. От себя. Не на себя. Да. Правильно. И поставь так, чтобы чашка краем опиралась на кромку блюдца. И отставь, я тебя как раз закончу подстригать, пока гуща немного подсохнет.

Ножницы пощелкивали над ухом, на руке у мастера мелодично тренькали какие-то висюльки на браслетике, в соседних кабинках периодически раздавались приглушенные голоса и звуки фена, и под этот умиротворяющий для женского слуха фон я как будто даже начала придремывать.

– Ну вот, моя золотая девочка. Можешь на себя посмотреть.

В зеркало на меня смотрела... моя старшая сестра. Ну, возможно, такой могла бы быть старшая сестра, если бы она у меня была. Серьезная взрослая девушка. Со строгим лицом, сурово сжатыми губами и идеально прямыми волосами, оканчивающимися на уровне плеч. Не я. Однозначно. Кто-то, кто мог бы осадить зарвавшегося хама одним словом, твердо поставить на место наглеца, вовремя согласовать смету и... не вздрагивать от воспоминаний о прикосновениях одного тупого мудака.

Да. Новая я была готова к другой жизни. Наверное.

– Мне нравится. Спасибо вам, Тшилаба.

– Спасибо скажешь, когда замуж выйдешь. За своего мужчину, – хохотнула женщина. – А вот когда свадьба будет, это я тебе сейчас скажу.

И она перевернула мою кофейную чашку.

Все время, пока она крутила ее в своих тонких пальцах и улыбалась чему-то, я напряженно кусала нижнюю губу. Грешным делом даже подумывала встать и отказаться от гадания.

Ну его на фиг. Еще скажет что-то эдакое, а я потом себя же замучаю сомнениями и мыслями.

– Ох и любишь же ты себя накручивать, огненная моя. Выдумывать то, чего нет. Бояться несуществующего. Избегать неизбежного. Сбегать от того, что в тебе

самой, от чего не скрыться никак. Да только тут я тебе не советчик. Тебе решать, тебе самой свою судьбу ковать. Вот, смотри – видишь? Вот наковальня, а вот будто молот. Никто его не держит, никто за тебя твою жизнь не выкует, не проживет. А между молотом и наковальней видишь? Сердце твое.

– Разбитое? – горько усмехнулась я.

– Зачем разбитое? – искренне удивилась Тшилаба. – Целехонькое. Только вот слушать его надо. Тогда судьбу и жизнь правильно сложишь. Хм. А вот эта фигура интересная. Смотри-ка сюда.

И Тшилаба повернула ко мне чашку. Что там можно было разглядеть в этих разводах – я в упор не понимала. Но продолжала пялиться и пыталась запомнить.

– Вот, видишь медведя? С зонтиком?

– Винни-Пух какой-то.

– Это неважно. Медведь – твой покровитель. Он держит зонт над самым сердцем.

– И что это значит?

– Что у тебя есть защитник, который оберегает тебя. И пока он держит над твоим сердцем зонт, ты в полной безопасности. А вот над зонтиком видишь звезду? Это твое будущее счастье. Так что верь защитнику. Он уберезет тебя от опасностей, и благодаря ему ты встретишь свое счастье.

– И кто этот медведь? – растерянно спросила я.

– Ну, моя золотая, этого я тебе сказать не могу. Верно только одно: он у тебя есть. И рядом. И все делает для того, чтобы ты была счастлива.

– Это мужчина? – уточнила я.

- Не обязательно. Это кто-то достаточно влиятельный, чтобы иметь возможность дать тебе работу, дом, заботу. Может, и мужчина, а может, и женщина. Главное, что он близко и не даст тебе ошибиться. Так что слушай сердце и самого преданного и верного друга. И все будет хорошо. Давай, закрывай чашку.

- Как это?

- Проверни большой палец на самом дне чашки.

Уж не знаю, правильно ли я все сделала, но Тшилаба, взглянув еще раз, загадочно улыбнулась и только и повторила:

- Все будет у тебя хорошо, Огонек. И свадьба у тебя тоже будет. Скоро. В течение ближайшего года. Так что, записать тебя на кератин?

Глава 6

- Привет, мудачина махровый! - невесело помахал я собственной мрачной небритой роже в зеркало ванной. - Поздравляю, бля, ты превзошел самого себя многократно!

Осознание эпичных размеров косяка, совершенного в отношении рыжей той-терьерши, настигло меня сразу, как только я услышал звук движка ее отъезжающей машины. Какого хера было уезжать... в таком состоянии. Кто за руль садится весь в соплях и когда руки еще небось трясутся после... У меня так реально тряслись, да еще и яйца свело от офигенного облома. Но этим мерзавцам так и надо - не хрен было поддерживать мистера Тупого в его затее сунуть свою голову туда, куда... где...

А ну лег обратно, сука, и вообще сдох!

Ага, это все равно, что орать на безмозглого, ничему не обученного пса. Надрывайся, как идиот, хоть до посинения, а он все равно творит что вздумается, да еще с энтузиазмом, достойным лучшего применения.

– И, по чести говоря, не один я во всем виноват! – заявил я своему отражению, покосившись в сторону душевой. Нужно пойти и смыть с себя к херам этот запах... ощущение. Надо. Но вместо этого опять поднес к лицу ту самую руку, которая побывала в ней. В Мари.

– Бля-а-а-а, – прошипел и скрипнул зубами. Как же она пахла.

Дура!

Кто так поступает, а? Отдаться впервые на е*аном столе какому-то чуть не первому встречному придурку! Как будто она обычная сучка проходящая, дешевка – повертел на х*е и забыл, шалава, которой все равно с кем.

Или правда все равно? А если бы кто другой вошел, она бы и с ним?..

Затряс башкой, прогоняя вставшую перед глазами багровую пелену. Пи*дец, а мне не пох ли? Еще как! Но, блин...

Короче, так: мне посрать, почему, зачем и как нас так внезапно притянуло друг к другу, плевать на то, что кое-кто, одна невыносимая гавкучка, так не ценит свою... ну, себя, в общем, что едва ли не сама запрыгнула... или там почти мне позволила... А-а-а! Пошло оно все в п*зду, давать этому определение и перебирать в мозгах детали! Но это не отменяет того факта, что я повел себя как мудака. Самый натуральнейший. Прямо органический, мать его, продукт. Чё там кому давать-не давать – личное дело каждой женщины, девушки, и только ей решать, вдруг и я не самый отстойный вариант для этого...

Стоп! Опять не туда!

Четко и по делу!

Мы, бля, взрослые адекватные люди, так? Типа да. И нам нужно как-то рядом работать какое-то время. А из этого вытекает, что мне стоит завтра извиниться перед этой рыжей. Перед Мари.

Хотя опять же, не я один виноват в том, что это между нами случилось. Нужно так-то предупреждать парня – эй, потише, я девственница! Каким бы тупым

хамлом она меня ни считала – не без усилий с моей стороны – но у меня понятия кой-какие есть. Не свечи, розы и что там еще для романтической ереси надо, но не второпях же, в каморке, с очень высокой вероятностью боли, так, чтобы она никогда не захотела повтори...

Да что ж за на хер?!

Чего она хотела этим добиться? Ну не в самом же деле хотела типа всерьез зацепить меня на это, как я орал сдуру? Погано же от этого как. И себя выставил припадочной истеричкой, и девчонку унизил. Ага, как будто это со мной в первый раз. Но до нее-то я просто имел привычку говорить сучкам в лоб, что о них по чесноку думаю и кем они выглядят в моих глазах. Если их это обижало – мне похер. У нас свободная, бля, страна, и высказываю свое хоть и нелицеприятное, но не и нелицемерное мнение когда и кому хочу. О себе тоже всегда спокойно выслушивал. Но вот с этой кудлатой язвой постоянно какая-то херня выходила. И мой язык вечно ляпал реальные гадости, коих она не заслуживала, и меня от каждого слова ее почти бомбило.

– Так! Все! Завтра извиняюсь, и считаем тему к хренам закрытой! – рявкнул я и решительно пошел в душ.

Но думаете это помогло? Да хрен там!

***

– Ох, бля, да, детка! – прохрипел я, выгибаясь в спине и дергая скованные над головой руки. – Еще!

Огненно-красные кудри щекотали мое лицо, плечи, пока мягкие губы заласкивали кожу шеи, чередуя нежные прикосновения с ощутимыми прикусываниями, от которых меня простреливало от ступней до макушки острейшим кайфом.

– Еще вот так? – Мари опустилась ниже и лизнула мой сосок, отчего меня всего дернуло. – Или вот так?

Она до легкой боли сжала сморщенный комок плоти зубами и тут же жестко присосалась, а я взвыл, взмывая, упираясь в матрас только пятками и затылком.

Член гудел, шлепал по животу, рыдая прозрачными тягучими слезами, выклянчивая всего одно достаточно крепкое пожатие ее узкой ладошки.

– А-а-а, все равно как! Бл*дь, дотронься до меня! Я умру, если не кончу прямо сейчас! – взмолился я, почти ослепнув от похоти.

– Кто-то вел себя как очень... – нежные пальцы коснулись промежности прямо под моими уже поджавшимися и готовыми взорваться яйцами. – Очень-очень, – моя мучительница безумно медленно начала скользить оттуда вверх к основанию члена и дальше по окаменевшему стволу, к адски чувствительной раздувшейся головке, – ... очень-очень-очень дрянной мальчишка. Разве такие мальчишки заслуживают хоть капельку наслаждения?

Она неторопливо обвела совершенно мокрое наверхие, задевая уздечку, и я задергался, как припадочный, подбрасывая бедра и пытаюсь хоть случайно ткнуться в эти безумно жестокие, но такие желанные руки.

– Мелкая зараза! – зарычал, рванув оковы. – Садистка хренова! Ты же меня уже всего запытала! Дай мне кончить!

– Это совсем-совсем не похоже на извинение за плохое поведение, – рыжая извергиня нахально усмехнулась.

– Извинений хочешь? – оскалился я. – Ну так сядь мне на лицо, и я так извинюсь, что ты имя свое забудешь!

– Думаешь, я тебе такое позволю? – Мари демонстративно, со смаком облизнула свою ладошку, только что побывавшую на моем члене, и я реально чуть не сдох от мощнейшего пинка зверского возбуждения в живот. – Разрешу твоему гадкому, грязному рту, постоянно извергающему всякие непотребности, приблизиться к моей... – Господи боже, спасибо тебе! Тонкие пальцы обхватили мой стояк и сжали. Идеально, влажно, именно то, что нужно.

Всего лишь пара движений и-и-и-и...

– Да твою же мать! – прохрипел я, вскакивая в постели. – Да чтобы ты провалилась! Когда же это прекратится-то?

Естественно, я опять был весь мокрый от пота, будто меня из ведра окатили, и позорно обкончавшийся. Да со мной такого п*здеца и в юности так часто не случалось!

Содрав с себя уделанные боксеры и белье с кровати, я натянул на голое тело штаны и поперся вниз к стиралке, пока все спят. И вот такая стыдоба каждую херову ночь! Ну плюс-минус с разницей в гребаных порносюжетах в моих снах. Сегодня определенно было нечто новенькое. Приковала она меня. Как же. Позволю я будто... Да гори же ты синим пламенем, ядовитая кусачка!

Игнорировать! Вот так, чтобы прямо совсем! Извиниться и все! Пустое место! Нет ее!

***

В восемь тридцать я спустился в кухню-гостиную, делая вид, что кофе – это единственное, что мне тут необходимо. На самом деле я знал, что Мари появляется ежедневно у нас в это время, минута в минуту, если, конечно, не оставалась ночевать в комнате Юпик. Сестра – тоже еще та засранка. Мы, значит, ей комнату в своем логове оборудовали, как и полагается заботливым братьям, а она нам за это в благодарность козью морду. Типа «это территория без парней», и входить теперь нам туда было запрещено. Рыжей зара... Мари, я теперь держу себя в рамках и зову даже про себя эту... Мари. Так вот, ей и Алеене можно, а нам делать там нечего.

Дожили!

Можно сказать, в сердце нашего мужского логова своими же руками создали кусок вражеской бабской территории, так чего теперь удивляться, что одна из них поселилась тут на постоянку, а другая верховодит и тиранит. Всех и плюсов, что появление Розы.

Короче, настроение у меня было обычно-мрачное, да еще и директорша не спешила появляться, чтобы я мог уже наконец осуществить эту чертову

спецоперацию с извинением и приступить к тотальному игнорированию в надежде избавиться от этих еженочных суккубских бандитских налетов на мои сны и ежедневных стоякопровокаций с временным вырубанием моих нормальных мыслительных способностей. Задолбало постоянно превращаться в тупого придурка членоголового, у которого то и дело в башке вместо работы и железок вот это вот рыжее...

Мари, бля, ее зовут Мари!

Первая ведерная кружка кофе опустела, пришлось наливать себе вторую, не торчать же с пустой, как идиот плящущийся на дверь, в самом деле! Я тут по делу, между делом и перед тем, как приступить к делам, просто нужно кое-что...

Время шло, торчать дальше было бы весьма странно, и я утопал в гараж, решив, что не велика важность эти извинения, подождут. Но часы шли, давно обед, а кучерявая гав... Мари так и не появилась. И, хоть убейся, ни единой реальной, не вызывающей подозрений причины поинтересоваться ее отсутствием мне не придумывалось, аж черепушка трещать стала.

– Али, а где наше рыжее счастье? – спросил Дизель у появившейся в общей зоне женщины Мангуста, а я сразу уши наострил. Спасибо, братан, облегчил ты мне жизнь и позволил не спалиться.

– Ее сегодня не будет, – сонно моргая явно после бессонной ночи, ответила Алеена, рассеянно отмеряя смесь в бутылочку.

– Ложки должны быть без горки! – проворчал я, не особо вежливо отнял у нее бутылочку и сделал все сам. Как раз поближе лучше слышно.

– С Мари что-то серьезное? – продолжил доставать Дизель. – Может, ее навестить надо? Лекарства, поесть что завести?

– Иди детали красить, медбрат по призванию! – прорычал я на него.

– Так я же вечером собираюсь, – забил на мой тон братец-казанова. – Температура там поднимется вдруг, а я всю ночь у постели просижу ...

Бля, сейчас кто-то реально выхватит у меня, сиделка недоделанная!

– Нет, не переживайте, Мари сказала, что у нее просто легкое недомогание, и завтра же она будет опять в строю.

– И строить нас, – фыркнул Дизель, направляясь наконец куда я его послал.

Вот, выходит, как. Ссышь на глаза показаться после вчерашнего, дракон... Мари, когда ты уже запомнишь – Ма-ри! А я говорил, что не один во всем виноват! Да вообще почти не при чем! Но зря ты прячешься. Поговорить нам все равно нужно будет, спускаться на тормозах, не расставив все по местам, я не намерен. Я мужик, как скажу, так и будет у нас... ну, в смысле ни хрена не будет, потому что я так решил, и до тебя это донесу. Нечего питать иллюзии и все такое.

Так что на следующее утро я шел вниз вальяжной походкой человека, точно знающего, что делать и как все дальше будет.

– Омотореть, я чуть на задницу не упал, когда тебя увидел! – урчал посреди кухни-гостиной вечно озабоченный Дизель своим лучшим трусоснимательным мурлыканьем, присев на ухо какой-то незнакомой телке с прямыми рыжими патлами до плеч в строгом сером брючном костюме. – Этот новый прикид... ух, аж мурашки по коже!

– Ты только своих сраных мурашек повсюду не раскидывай. Мне лобковые вши ни к чему, – раздраженно влез я. – Какого хрена у нас посторонние на съемочной площадке?

Девушка величаво развернулась ко мне на своих высоченных каблуках, и я наткнулся глазами на бейджик, еще не глядя в лицо, и совсем взбесился:

– Нам что, одной рыжей выдры было мало тут, так нам еще одну... – и завис, встречаясь взглядом со слишком знакомыми, стоякопрошибательными золотисто-карими нахальными зенками, сверкнувшими почему-то из-под стекол очков в тонкой черной оправе.

– Выдра тут одна, и это точно не я, – сухо заметила эта обновленная Мари. – Хотя я бы все же выбрала скорее сравнение со скунсом. И опять же не для себя.

Скорее, для того, кто вечно отравляет вполне дружественную атмосферу в коллективе миазмами ядовитого сарказма.

Я так и застрял на пару секунд посередине лестницы, уставившись на нее, и с огромным трудом сдержался, чтобы не заорать: «Ты какого хера с собой сотворила?! Где эти чертовы невыносимые кучеряшки? Куда дела? И что это за вид вообще?!»

– Эх, была у нас горячая директорша, а теперь ну реально огонь! – продолжил подлизываться кусок белобрысого идиота. – Спалит, нас, как есть спалит.

– Дизель, кончай это! Иди отдайся в руки стилистов, никакая лесть тебе не поможет, хитрющий малыш, – улыбнулась она ему, снова зля меня и напоминая о насущном.

То же мне, малыш... на жопе прыщ двухметровый почти!

– Детка, да какая тут лесть, если мое бедное сердце с этого момента бьется для тебя одной! Ты отныне в нем поселилась безраздельно!

– В твоём, сука, сердце общежитие размером с Манхеттен! Вали куда сказали! – прикрикнул я на брата. – А ты... Мари, на пару слов.

– Мисс Дюпре, мистер Доэрти, – в голосе ее захрустело ледяное крошево, и она демонстративно посмотрела на часы. – И на данный момент у меня нет времени на беседу с вами. Но могу его выделить в четырнадцать пятнадцать. Или же вы можете написать мне о сути вашего вопроса, и обещаю решить его в кратчайшие сроки. Хорошего дня, джентльмены.

И, задрав нос, она уцокала прочь, оставляя меня обтекать.

– Посмей только хоть слово сказать! – ткнул я пальцем гневно в Дизеля.

Как же сложно удерживать спину несгибаемо прямой и не сбиваться с непринужденной походки, когда внутри все дрожит, а маленькая девочка, живущая в каждой из нас, так и норовит кинуться бегом подальше от злого серого волка, он же – причина недавно пережитой обиды и унижения. И все в одной противозаконно привлекательной морде, которую прямо-таки перекосило при виде моих изменений. Он не узнал меня в первый момент. Реально! Такое не сыграешь. А вот когда дошло, у Саважа был такой вид... ну, даже не знаю, как описать. Слово у него что-то сперла. Украла наглým образом, и мне стоит провалиться на месте сквозь землю за это прегрешение.

Он пялился на меня не просто со своей обычной злостью, а как если бы аж опешил от несусветного хамства. И да, отбрить-то я его отбрила, но вот что-то торжество от этого не спешило наступать. Ладно, будем считать, что в новый образ надо еще вжиться, за раз такой ядовитый сорняк, как Кевин, мать его, Доэрти, из себя не выдрать, еще всякие мелкие корешки то там, то тут выискивать придется и избавляться от них безжалостно. О да, я, новая Мари Дюпре, плевать на него хотела. Нет, даже не так, игнор – это слишком щедро для него. Ледяная профессиональная вежливость.

Точно, я мисс Вежливость для мистера Отправляйся на хрен, Тупой муда...

– А ну стоять! – Цепкие пальцы почти больно впились в мой локоть, когда я уже практически дошагала гордой цаплей до своей каморки. – Я сказал, нам нужно парой слов перемолвиться! А значит, мы так и сделаем.

Саваж умудрялся рычать шепотом прямиком в мое ухо, нахально толкая меня в маленькое помещение. Блин, только он один, наверное, на такое и способен – рычать шепотом, да так, что все волоски на теле дыбом становятся.

– А я сказала, что у меня нет време... – Я трепыхнулась, упираясь каблуками. Нет! Ни за что я больше не останусь с ним наедине, да еще и там, где не далее как позавчера он меня унизил. – Мистер Доэрти, мне охрану позвать?

– Ага, давай! – фыркнул мерзавец и стремительно присел, тут же перехватывая меня поперек тела и вскидывая себе на плечо, как мешок картошки.

– Да ты сдурел?! – зашипела я его... ну да, собственно, заднице, глаза бы мои никогда ее не видели. – Пусти меня! Руки свои убрал!

В несколько широких шагов он занес меня в каморку, плюхнул на испуганно скрипнувший стол, тот самый, и навис, уставившись в упор.

– Пустил! – буркнул, демонстративно поднимая свои лапищи, но не отступая ни на сантиметр.

– Какого хрена ты... Извольте объяснить мне причину своего неадекватного поведения, мистер Доэрти!

– Так, значит, – набычился он. – Ну и хрен с ним. Причина моего такого поведения, мисс Дюпре, в том, что я вам внятно сообщил, что нам необходимо срочно поговорить! А вы, госпожа директор, изволите на меня забивать, провоцируя необходимость действий насильственного характера.

– То есть вам приспичило срочно лясы поточить, мистер Доэрти, а я должна прям все бросить и внимать вам?

– Бросить? Смотрю, ты по уши в делах, ага...

– Не вам судить!

– И я не лясы точить собрался, а извиниться, ясно?! – оборвал он меня. – И ты меня выслушаешь!

– Вы.

– Мы, бля!

– И что, есть уважительная причина, почему я должна ВАС выслушать, если абсолютно не желаю этого делать, не имею на это времени? И извинения свои мож... В ваших извинениях я нисколько не нуждаюсь, мистер Доэрти.

Саваж закатил глаза и шагнул назад, давая мне возможность хоть дышать нормально, без неизбежности захватывать при каждом вдохе еще и его запах.

– Слушай, Мари... – Он нервно почесал небритый подбородок с таким характерным шуршащим звуком, что еще совсем недавно звучал, когда там же прикасалась я. Я мысленно врезала себе по заднице. Прекрати!

– Мисс Дюпре!

Я железо! Нет, я чертов кремень!

– Не-а, то, что я хочу сказать, адресовано не мисс Дюпре и не нашему директору, а Мари, и ты ни черта не станешь меня сбивать! Мне и так не особенно... Короче! Я тем вечером повел себя неправильно.

О! Ну ладно, это немного неожиданно. И смущает. Я бы предпочла сделать вид, что абсолютно ничего не было. Почему бы и ему не последовать моему примеру? Но раз уж все так пошло, пасовать не собираюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/cherediy_galina/miss-neugomonnost

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)